

И. А. Едошина <http://orcid.org/0000-0002-4265-3611>

Факт versus вымысел: Федор Тютчев на страницах романа А. Геласимова «Роза ветров»

Для цитирования: Едошина И. А. Факт versus вымысел: Федор Тютчев на страницах романа А. Геласимова «Роза ветров» // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 172-181.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-6-117-172-181

В статье актуализируется проблема написания биографии известного исторического лица, а также интерпретации биографических данных в художественном тексте. Обозначенная проблема определила цель данной статьи и целый ряд задач, связанных с обзором наиболее значимых аспектов в современном изучении биографии, актуальностью «сотворения» и «реконструкции» (Ю. М. Лотман) при написании биографии, приемами и способами интерпретации биографии на примере анализа персонажа в романе современного ученого и писателя А. В. Геласимова (род. 1965). Отмечается, что образы главных героев в романе – Г. И. Невельского, Е. Ельчаниновой – даются автором с нескрываемой симпатией и совпадением с их реальной биографией, в отличие от образа Ф. И. Тютчева. Стремясь понять причины и в то же время не утратить объективности своих наблюдений в области того, как, на каких основаниях, в представлении А. В. Геласимова, может быть создан персонаж, автор статьи обращается к его кандидатской диссертации. В этой работе (несмотря на ее конкретную ориенталистскую проблематику) обнаруживается авторская методология: получение новых значений за счет увеличения смыслов, их умножения. По мысли А. В. Геласимова, в результате порок получает интригующий оттенок нового смысла, а искажение фактов становится самостоятельным явлением и обладает благотворной функцией в воздействии на умы современников. Автор статьи выявляет в романе все эпизоды, связанные с персонажем по имени Ф. И. Тютчев, проводит их анализ, указывает все случаи *умножения смыслов*, их романную верификацию, направленную на искажение реальных эпизодов из биографии поэта. Приводятся нелицеприятные высказывания А. В. Геласимова в адрес Ф. И. Тютчева, что является прямым свидетельством правильности стратегии, выбранной автором статьи в исследовании того, как конструируется биография Ф. И. Тютчева в данном художественном тексте.

Ключевые слова: А. В. Геласимов, Ф. И. Тютчев, биография в романе, авторская методология, конструирование фактов, умножение смыслов, художественная верификация.

I. A. Edoshina

Fact versus fiction: Fyodor Tyutchev in the novel by A. Gelassimov «Wind-rose»

Issues of writing a famous historical person biography, as well as the problem of biographical data interpretation in a fictional text is actualized in the article. The designated problem defined the aim of the article and also a number of objectives related to reviewing the most significant aspects in present day biography studies, the relevance of creation and reconstruction (Y. M. Lotman) in biography writing, biography interpretation techniques and methods exemplified by the analysis of a personage in the novel by a contemporary scientist and writer A. V. Gelassimov (born in 1965). It is noted that the images of the novel lead characters – G. I. Nevelsky and E. Yelchaninova – are presented with undisguised sympathy and in accordance with their actual biographies, unlike that of F. Tyutchev. Seeking to understand the causes, yet with no loss of observation objectivity in the field of how and on what grounds, in A. V. Gelassimov's concept, a personage can be created the author of the article addresses his Candidate's dissertation/PhD dissertation. In this paper (despite its specific orientalist problematic) an auteur methodology reveals itself-gaining new meanings through proliferation of senses, their multiplication. In A. V. Gelassimov's view, as a result, vice acquires an intriguing shade of a new meaning, fact distortion becoming an independent phenomenon and acquiring a beneficial function of influencing contemporaries' minds. Further on, the author of the article elicits all the episodes connected with the character called F. I. Tyutchev, analyzes them pointing out all the cases of meanings multiplication and their novel verification aimed at the distortion of the poet actual life events. A. V. Gelassimov's unflattering speeches about F. Tyutchev are exemplified, which is a direct evidence that the strategy chosen by the author to study ways of constructing the poet's biography in the given literary text is correct and valid.

Keywords: A.V. Gelassimov, F. I. Tyutchev, a biography in the novel, an auteur methodology, constructing facts, multiplication of meanings, fiction/literary verification.

Проблема биографии в самых разных аспектах является одной из актуальных в современном гуманитарном знании. Так, в статьях А. Б. Николаевой научная биография исследуется в герменевтическом [Николаева, 2020], историко-герменевтическом [Николаева, 2018], аналитико-процедурном [Николаева, 2019] аспектах. А. Е. Агапитова обращается к античной биографии как жанру и исследует его влияние на формирование романа [Агапитова, 2017]. Е. В. Иванова выявляет влияние западноевропейских традиций на формирование жанра биографии в русской литературе [Иванова, 2016]. Л. Ю. Логинова рассматривает биографию как метод в исследовании личности [Логинова, 2016]. Проблема биографии может быть предметом научного собрания, например, конференции, посвященной 150-летию А. П. Чехова [Проблемы построения ... , 2020].

Процесс обращения к жизни известного писателя (или иного исторического лица) с целью ее воссоздания Ю. М. Лотман определил как сотворение, предложив собственное «Сотворение Карамзина» (1987) в жанре «романа-реконструкции» [Лотман, 1987, с. 13]. При этом, создавая чужую биографию, автор не волен избежать и собственной, то есть самого себя, своих пристрастий и своих идеологем, потому это всегда неизбежно *сотворение*.

В качестве еще одного примера укажем книгу Дональда Рейффилда «Anton Chekhov. A Life» (1997) [Rayfield, 1997]. Приведен английский вариант ее названия, потому что «Жизнь Антона Чехова» (пер. О. Макаровой) не передает, с нашей точки зрения, многозначности, которая заложена в авторском именовании. Вызвавшая неоднозначные оценки в российском чеховедении книга Д. Рейффилда написана на основе исключительно архивных материалов, в большинстве впервые воспроизводимых. Эти документы нужны были, по мысли автора, для воссоздания (*реконструкции*, по Ю. М. Лотману) взаимоотношений писателя с семьей и друзьями [Rayfield, 1997, р. XVI]. Книга Д. Рейффилда являет не хрестоматийного А. П. Чехова, а живого человека, с его страстями, взлетами и падениями, причем на основе не выдумки, а сугубо документальных свидетельств. Кстати, подобный подход в написании биографии был предложен в русской культуре еще М. П. Погодиным в его двухтомнике «Н. М. Карамзин. Материалы для биографии» (1866) [Николай Михайлович ... , 1866а; Николай Михайлович ... , 1866б]. С точки зрения

М. П. Погодина, менее всего при написании биографии должно быть того, кто эту биографию пишет. Биограф выступает, скорее, в роли собирателя документов, осуществляет их расположение и комментирование.

При этом все указанные авторы корректно соблюдают дистанцию с тем, о ком пишут, ибо все они принадлежат к миру науки.

Автор романа «Роза ветров» (2017) А. В. Геласимов (род. 1965) тоже не лишен причастности к этому миру: он кандидат филологических наук. В 1997 г. им защищена в МГПУ им. В. И. Ленина диссертация на тему «О. Уайльд и Восток: Ориентальные реминисценции в его эстетике и поэтике». В этой работе А. В. Геласимовым обосновываются некоторые положения, касающиеся творчества английского писателя: поиск новых значений («в ситуации увеличения смыслов (multiplication of meanings)»), их «умножения», что придает, например, пороку «интригующий оттенок нового смысла». Искажение фактов, по А. В. Геласимову, это самостоятельное явление, обладающее благотворной функцией в воздействии на умы (в диссертации, конечно, имеются в виду умы современников О. Уайльда).

Через двадцать лет после защиты А. В. Геласимовым кандидатской диссертации все эти положения окажутся основополагающими в процессе создания образа Ф. И. Тютчева в романе «Роза ветров».

Главным героем в романе является будущий адмирал Геннадий Иванович Невельской (1813-1876), фактически присоединивший Дальний Восток к русской империи. К личности адмирала, его деятельности со стороны автора выказывается глубокое уважение. В основе романа – приключенческая и детективная фабулы, развязок которым пока нет (предполагаются вторая и, возможно, третья книги), но зато есть «длинные» завязки, с многочисленными подробностями, в частности, в отношении девушек, обучающихся и живущих в Смольном институте. Именно в этом контексте и появляется (по большей части) Ф. И. Тютчев.

Конечно, биографические сведения о Ф. И. Тютчеве помещены в художественный контекст, что, кажется, снимает любые претензии к автору: он ведь не пишет научную биографию, а создает некий образ. Но образ этот, с одной стороны, словно бы и совпадает с событиями из жизни Ф. И. Тютчева, а с другой – интерпретируется автором романа столь субъективно, что

невольно провоцирует к сопоставлению вымысла с реальностью.

Впервые имя Ф. И. Тютчева упоминается в эпизоде, где Николай I читает «статью сочинителя Тютчева, обращенную к немецкому журналисту» [Геласимов, 2018, с. 54]. В связи с этой статьей автор в примечании сообщает: «Тютчев Федор Иванович (1803-1873) – один из крупнейших русских поэтов. В 1822-1839 гг. был чиновником русского посольства в Мюнхене, а с 1844 г. и до конца жизни служил в цензурном ведомстве» [Геласимов, 2018, с. 54]. Содержание этого примечания уже указывает на, как минимум, весьма сдержанное отношение автора к Ф. И. Тютчеву. Для сравнения приведу содержание сноски о другом писателе: «Тацит (лат. Tacitus) Публий Корнелий (лат. Publius Cornelius) (ок. 58-ок. 117) – один из величайших историков Древнего Рима, оратор, политический деятель» [Геласимов, 2018, с. 367]. Замечу, просто «политический деятель», нет ни слова ни о должности консула, потом сенатора. А в сноске о Тютчеве специально подчеркнуто: чиновник, цензор до конца жизни. Замечу, что упоминаний об иных писателях в романе нет. Станным образом условная «встреча» Ф. И. Тютчева и Тацита заставляет вспомнить, что поэт прекрасно знал латынь, римскую культуру в целом. Такова закономерность неслучайности того, что кажется, на первый взгляд, случайным. Но вернусь к читаемой Николаем I статье, написанной Ф. И. Тютчевым.

Эта статья была написана Ф. И. Тютчевым по-французски, в названии без более поздней вставки «Россия и Германия», сделанной публикатором (П. И. Бартевым) на русском языке: «Письмо доктору Густаву Кольбу, редактору “Всеобщей Газеты”» (1844; рус. пер. 1873). В этой статье Тютчев, сразу очерчивая свою позицию русского человека, с русским самосознанием, призывает Г. Кольба не отрицать Россию как иную, нежели европейская, форму государственности, а мирно сосуществовать с ней. Он представляет свое понимание европейской историософии, в которой отношения России и Германии выстраиваются на основаниях сотрудничества и уважения. А. Геласимов пишет, что Николай I с сочувствием отнесся к статье Ф. И. Тютчева. Тому на самом деле есть свидетельство генерал-адъютанта Л. А. Нарышкина, о котором сообщает сам Ф. И. Тютчев в письме к родителям от 27 октября 1844 г.

Таким образом, впервые Ф. И. Тютчев является не сам, а через чужое восприятие им написан-

ного. Причем чужое восприятие принадлежит первому лицу в государстве, и лицо это принимает написанное Ф. И. Тютчевым благосклонно, что сразу включает автора статьи в некий круг близких (хотя бы идеологически) императору людей. Ничего подобного не было в жизни Ф. И. Тютчева, дипломатическая карьера которого продвигалась крайне медленно, с увольнениями и возвращениями. Но с учетом о давнего положения на предмет «умножения смыслов» предложенное представление Ф. И. Тютчева и есть реализация этого самого умножения. Указанная особенность важна по той причине, что роман построен не на вымышленных, а на вполне реальных фактах, другой вопрос, *как* автором расставляются акценты в изложении фактического материала. В этом «как» проявляется его понимание исторических событий, оценка людей, в них участвовавших. Федор Тютчев здесь не исключение.

Значительную часть романа, особенно в начале, составляют страницы, посвященные Смольному институту и его воспитанницам, где и учебное заведение, и сами девушки предстают в малосимпатичном виде: почти тюремное положение, плохая еда, грусть как типичное состояние. Некоторое исключение составляет Екатерина Ельчанинова (1831-1879), главная героиня романа и будущая жена адмирала Г. И. Невельского. Собственно, и вся история со Смольным институтом нужна исключительно в связи с ее жизнью.

Именно в Смольном институте вновь появляется уже реальный персонаж по фамилии Тютчев. Он посещает дочерей от первого брака – Дарью (1834-1903) и Екатерину (1835-1882), которые в 1845-1851 гг. действительно жили и обучались в Смольном институте. Судьбы их сложились по-разному, за исключением одного – обе не вышли замуж, хотя за Екатериной ухаживал Лев Толстой. Из сестер в силу способности страстно влюбляться поэту была ближе Дарья, которой он посвятил три стихотворения («De ces frimas, de ces déserts...», «Не все душе болезненное снится...», «Когда на то нет Божьего согласия...») и которой, по собственному признанию, передал жажду неутоленной любви.

В одно время с ними смольянкой была и Елена Денисьева (1826-1864), приходившаяся родственницей Екатерине Ельчаниновой. Будущая возлюбленная Ф. И. Тютчева покинет стены Смольного института в одно время с сестрами Тютчевыми – в 1851 г. Кажется, сама жизнь свя-

зывала в тесный узел эти судьбы, чем А. Геласимов не преминул воспользоваться.

«Девочку с горевшими глазами ... звали Даша. Она была дочерью известного поэта Тютчева и вместе со своей сестрой состояла в “сером” классе. Воспитанницы этой группы носили серые платья с белыми передниками и по старшинству следовали за выпускным “белым” классом. Возраст их был в среднем двенадцать-тринадцать лет. <...> Припадок у Даши Тютчевой, в результате которого она нанесла заметные телесные повреждения стоявшей рядом с ней Лене Денисьевой, а также и самой себе <...> Даша так яростно, так прямо и с такой нескрываемой ненавистью атаковала Денисьеву, что сомнений быть не могло: она хотела нанести максимальные повреждения. От серьезных увечий жертву неожиданного нападения уберегла, пожалуй, только значительная разница в возрасте. Денисьевой недавно исполнилось двадцать лет, и это преимущество сыграло решающую роль в исходе их столкновения. Если бы девушки оказались ровесницами, Тютчева имела бы неоспоримое превосходство – и в силу своего первенства в атаке, и по причине схожего с безумием состояния» [Геласимов, 2018, с. 70-71]. Далее следует эпизод, из которого читатель узнает, что «Денисьева влюблена и что чувства ее на обычное институтское “обожание” совсем не похожи» [Геласимов, 2018, с. 71].

Любая физическая потасовка между людьми ужасна, женская – просто отвратительна. Кажется, А. Геласимову драка была нужна, чтобы сразу создать неприятный облик поэта, хотя его имени здесь не названо, он проходит всего лишь незримой тенью. Но именно его чувства стали причиной драки, словно предвещая будущий драматизм судьбы Елены Денисьевой. Ее тетка и одновременно инспектриса учебного класса «милейшая Анна Дмитриевна» увидела в посещениях поэта не столько его желание повидаться с дочерьми, сколько повстречать ее племянницу. Она пресекает его посещения. Автор романа поясняет, «умножая смыслы», что «жизнь клубилась» вокруг Ф. И. Тютчева «посильней и намного жарче, чем в романтической поэме» [Геласимов, 2018, с. 74].

Далее он с нескрываемым осуждением пересказывает историю первой женитьбы поэта, подробно обрисовывая драматическую судьбу Элеоноры, их детей. Напомню, героем кандидатской диссертации автора романа был Оскар Уайльд, которого вряд ли возможно отнести к писателям с безупречной нравственной репутацией (пусть

его биография и не являлась в диссертации А. Геласимова предметом специального исследования). Казалось бы, соприкосновение с биографией О. Уайльда должно было сформировать опыт дифференциации личных перипетий в жизни писателя и его творчества, при всех их пересечениях. Но, видимо, этого не произошло. В результате Ф. И. Тютчев является перед читателем в романе «Роза ветров» в образе *порока с интригующим оттенком нового смысла*.

После смерти жены Ф. И. Тютчев вскоре снова женился, а «девочек весьма скоро определили в Смольный, и на третьем году их обучения в классе у них появилась Лена Денисьева. Проникнутый поэзией до корней волос Тютчев неожиданно превратился в заботливого отца, и в конце концов его дочь бросилась в умывальной комнате на свою одноклассницу» [Геласимов, 2018, с. 75].

А. Геласимов, как уже отмечалось, не скрывает своего отношения к Ф. И. Тютчеву, отсюда эта характеристика – *проникнутый поэзией до корней волос*. В русском сознании до корней волос можно только покраснеть, то есть попасть в какую-то неловкую ситуацию. В качестве таковой здесь, по воле автора романа, оказывается поэзия Ф. И. Тютчева и он сам. Конечно, сложившаяся драматическая коллизия, когда поэт буквально разрывался между нахлынувшим на него чувством к Елене Денисьевой и не менее искренними чувствами к красавице жене Эрнестине, их детям, приносила Ф. И. Тютчеву невероятные страдания. Но он был поэтом, и страдания эти выливались в стихи. В начале 1851 г. он пишет «О, как убийственно мы любим» – о себе и Денисьевой, о мимолетности человеческих чувств, о той цене, что приходится за них платить, а в апреле этого же года – «Не знаю я, коснется ль благодать» – о себе и Эрнестине с финальным заключением: «Ты, ты, мое земное провиденье!..» [Тютчев, 2003б]. Цена подлинному искусству всегда – жизнь и та самая *священная жертва*, которой *требует Аполлон* от поэта.

Не в романе, а в реальности сестры Даша и Катя Тютчевы будут искренне утешать отца, когда умрет Елена Денисьева. Его ответные письма к дочери Дарье полны самых искренних признаний: «Благодарю, моя милая дочь... <...> Я хотел бы написать тебе слезами, а не чернилами. – В твоих словах, в их интонации я ощутил столь нежное, столь искренно, столь глубоко прочувствованное, что – вообразишь ли? – мне почудилось, будто я слышу отзвук... другого голоса,

никогда в течение четырнадцати лет не говорившего со мной без душевного волнения, того голоса, что и сейчас еще звучит в моих ушах и которого я никогда, никогда более не услышу...» [Письмо Ф. И. Тютчева, 2004, с. 76-77].

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Все темней, темнее над землею –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою;
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали;
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали;
Ангел мой, ты видишь ли меня? [Тютчев, 2003а]

В двенадцати строках Ф. И. Тютчева столько боли и столько любви, сколько ее бывает только в подлинной поэзии, в ее поразительном созвучье самой жизни. Смерть не поборола любви, придав ей ангельские очертания. Но у автора «Розы ветров» иное восприятие, иные задачи: множить смыслы в представлении порочного поэта-чиновника.

Вот Ф. И. Тютчев появляется в качестве камергера двора Его Императорского Величества и коллежского советника, который совершает визит в Морской корпус. Его все раздражает, он прячется от солнца в тени, стараясь одновременно отгородиться от шеренги выстроившихся кадетов. Внимание его привлекает кадет Николай Бошняк, которого мичман ругает, упоминая, что он *где-то в углу свои стишонки пописывает*. Ф. И. Тютчев весьма сухо и отстраненно (своеобразный аналог холодной встречи Печорина с кинувшимся к нему Максим Максимычем в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») общается с приветствующим его капитан-лейтенантом Нефедьевым, который служил когда-то вместе с его пасынком Карлом.

Во время их разговора Ф. И. Тютчев переводит на капитан-лейтенанта «поблескивание своих очков, за которыми, как в морском аквариуме, шевельнулись два тусклых моллюска» [Геласимов, 2018, с. 97], интонационно и через паузы указывает Нефедьеву его место. Тусклые глаза-моллюски – это карикатурное описание лица поэта, на самом деле носившего очки. И моллюски появляются, конечно, отнюдь не случайно: их задача – множить смысловое поле порока.

Напомню, что моллюски – беспозвоночные животные с мягким нерасчлененным телом. Среди них есть моллюски-хитоны (*Acanthopleura granulata*), в панцирь которых встроены сотни крошечных глаз с линзами из минерала арагонита, что позволяет моллюску видеть окружающий его мир во всех направлениях и реагировать на очертания предметов [Speiser, 2011]. В приведенном контексте Ф. И. Тютчев оказывается человеком, способным видеть лишь очертания предметов, но не сущность. И это написано о поэте, который «в чуждом, неразгаданном, ночном» способен узнавать «наследье роковое» («Святая ночь на небосклон взошла», 1850). Несовпадение такого рода отражает отношение А. Геласимова к Ф. И. Тютчеву: нескрываемо негативное, мотивированное, видимо, претензиями к биографии поэта. В это отношение вполне закономерно вписывается эпизод встречи поэта с тогда еще кадетом, а в будущем – известным и отважным исследователем Дальнего Востока Н. К. Бошняком (1830-1899).

Далее автор романа раскрывает причину, из-за которой Ф. И. Тютчев появляется в Морском корпусе: в связи с трауром по отцу он не может сам передать стихотворение, написанное по просьбе одной из воспитанниц Смольного института, чтобы она могла прочесть его во время посещения института великим князем Константином. Потому нужен кто-нибудь из кадетов для передачи текста.

Автор романа поясняет ситуацию: дело, конечно, не в смерти отца, а в том, что «путь в Смольный Федору Ивановичу ... был заказан. Дочерей могла навещать только его жена. ... Искусство дипломатии он ставил выше своего поэтического дара, и там, где поэт уже не справлялся с поставленной задачей, на сцену немедленно выходил дипломат. Задача же у обоих была одна – заставить всех окружающих если не поклоняться, то хотя бы смиренно ему служить» [Геласимов, 2018, с. 98].

Трудно сказать, какие свидетельства из жизни Ф. И. Тютчева стали основанием для подобных суждений. Но представленная характеристика вписывается в поиски новых смыслов, придающих образу поэта порочный облик. Потому вполне естественно выглядит вопрос со стороны Ф. И. Тютчева к кадету Н. К. Бошняку (а именно его он затребовал для выполнения указанной миссии), какие его сочинения тот знает. Кадет буквально выпалил начало стихотворения «Глядел я, стоя над Невой» (1844). В стихотворении

речь идет о заморских странах, Геласимов внимательно знакомился не только с биографией, но и с творчеством Ф. И. Тютчева. А поскольку автор романа – кандидат наук, ему могли быть известны не только собственно стихи, но и комментарии к ним, в которых сообщается об особенностях автографа этого стихотворения, превращенного поэтом в красивый рисунок, который вместе со спецификой в написании букв производит впечатление нервозности и недоговоренности [Комментарии к стихотворению ... , 2002].

А. Геласимов заставляет кадета произносить стихотворение с точностью до наоборот: он выпаливает его, как из пушки. «Захваченный врасплох, он (Ф. И. Тютчев. – *И. Е.*) ощутил, как на глаза ему набегают слезы, но не потрудился их скрыть. Коллежский советник и вообще-то считал, что вовремя сверкнувшая слеза украшает стихотворение» [Геласимов, 2018, с. 99]. Сочетание должности со слезой в стихотворении придает ситуации оттенок нескрываемой двусмысленности.

Далее выясняется, что Ф. И. Тютчеву известен родственник кадета, и следует абсолютно фальшивый и пафосный рассказ поэта о чувствах, вызванных смертью отца: «О, ведь это ужасно, ужасно! Нет слов, чтобы передать это. Я только раз в жизни видел, как умирают. О, юноша, смерть ужасна!» [Геласимов, 2018, с. 100]. Ничего даже близко похожего нет в письмах самого Ф. И. Тютчева, связанных со смертью отца весной 1846 г. Он горюет, что не смог приехать на его похороны, поскольку жена вот-вот должна была родить, его слова полны любви к матери, в его воспоминаниях об отце – горечь утраты. Но нигде нет приписываемого ему автором романа пафоса.

А. Геласимов еще специально подчеркивает, что поэт «разливался» перед кадетом, одновременно оценивая силу воздействия на него сказанных слов. Продолжая в том же духе, он доводит кадета до слез и, «абсолютно удовлетворенный произведенным эффектом», излагает свою просьбу, содержание которой читатель узнает только в конце этой главы: кадет должен передать конверт со стихами Елене Денисьевой, непременно лично.

Кадет Николай Бошняк соглашается, берет конверт, но потом, уже расставшись с

Ф. И. Тютчевым, не выдерживает, открывает конверт и «ненароком» прочитывает вложенное стихотворение. Факт сам по себе для XIX столетия, еще не лишено таких понятий, как честь, порядочность, малопрстойный и характеризующий, скорее всего, не столько кадета, сколько автора романа. Далее мы видим Николая Бошняка бегущим по ночному городу, размахивающим руками и прерывисто выдыхающим стихи из того самого конверта:

Люблю глаза твои, мой друг;
С игрой их пламенно чудесной;
Когда их приподынешь вдруг
И, словно молнией небесной;
Окинешь бегло целый круг...

Вторую часть этого стихотворения он запоминать не стал. Она показалась ему неприличной и оскорбительной» [Геласимов, 2018, с. 113].

Автором романа приведен «приличный» (в его понимании) фрагмент из стихотворения Ф. И. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...». Исследователями творчества Ф. И. Тютчева это стихотворение датируется не позднее, чем апрель 1836 г., оно адресовано Эрнестине Дербург (урожд. баронессе фон Пфедфель, 1810-1894), которая тогда была возлюбленной поэта, а к событиям, разворачивающимся в романе А. Геласимова, уже находилась в статусе его супруги. Процитированная «приличная» часть этого стихотворения относится к официальным внешним встречам поэта и его возлюбленной, «неприличная» часть – к области интимных чувств:

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья;
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья [Тютчев, 2002].

Стихотворение это построено на типичном для поэзии Ф. И. Тютчева контрасте дневного/ночного бытия, которые противостоят друг другу в равной степени в природе и в человеческих отношениях. Причем ночное в его поэзии всегда завораживает открывающейся бездной. Возможно, что юному кадету темная, исполненная страсти сторона бытия была еще не знакома, потому он воспринимает ее как нечто неприличное. Автор же романа использует стихотворение, не имевшее в реальности никакого отношения к Елене Денисьевой, тоже по вполне понятной причине: дневное – это семья

поэта (жена и дети), а ночное – это его увлеченность юной смолянкой. Но есть и еще один подтекст, как я полагаю. И подтекст этот связан с будущим новой возлюбленной поэта: ведь совсем недавно он писал эти строки к Эрнестине, теперь им обманываемой, то же ожидает и Денисьеву. Однако, как известно, Ф. И. Тютчев не оставил ее, их отношения длились четырнадцать лет, до смерти Елены Денисьевой. Да, со стороны официальной эти отношения были незаконными, но любовь оказалась сильнее закона.

История с посланным через Николая Бошняка конвертом со стихами в романе завершается следующим образом. Ф. И. Тютчев добивается и получает «при посредничестве великой княгини Елены Павловны» приглашение к генералу Н. Н. Муравьеву, где устраивался прием, участие в котором принимали смолянки. Более того, Ф. И. Тютчев, «развив завидную деятельность в самом институте», добивается включения в группу смолянок дочерей, хотя они и не были еще выпускницами. «Это требовалось ему как предлог, под которым и обожаемая Денисьева, будучи одноклассницей его дочерей, могла попасть в заветное число приглашенных. Поэтому не было на приеме человека более несчастного и разочарованного в прелести жизни, чем коллежский советник Федор Иванович Тютчев. Уязвленным до глубины души взором смотрел он из окна второго этажа на скучных ему дочерей... Никакой Лены Денисьевой ни до них, ни следом за ними из экипажа не показалось» [Геласимов, 2018, с. 282].

Но он наблюдал из окна за происходящим во дворе, за веселыми играми своих детей, заметив вдруг, как знакомый ему Н. К. Бошняк передал что-то между чугунными прутьями его дочери Даше, указав на Катю Ельчанинову. Он прильнул к стеклу. «Девуц оглядываете? – прозвучал у него за спиною насмешливый голос хозяина дома. – И как? Хороши?» Вопрос этот не был случайным, генерал Муравьев еще до приема «взял себе за труд разузнать, чем прославился в петербургском обществе навязываемый ему литератор. Выяснились такие прелюбопытные подробности, что теперь он просто не смог удержаться от сарказма. – Там прибыли мои дочери, – попробовал оскорбиться Федор Иванович, однако вышло это у него довольно жалко» [Геласимов, 2018, с. 283-284].

Он не покинул приема, и, как пишет А. Геласимов, поняв, что Кате Ельчаниновой уготована роль королевы бала, немедленно привел в

готовность свои «охотничьи инстинкты»: «Подсев как бы невзначай поближе к Екатерине Ивановне, которой генерал Муравьев как раз в эту минуту объяснял причины отсутствия Невельского, Федор Иванович томно откинул голову и поинтересовался, не тот ли это самый капитан-лейтенант, чья матушка недавно была под судом за убийство крепостной девки». По логике автора романа, Ф. И. Тютчев наносил смертельный удар возможному противнику (Невельскому) и заодно привлекал внимание к себе – таково проявление «охотничьих инстинктов». Но генерал Муравьев, «насквозь видевший поползновения поэтически настроенного протеже великой княгини», тут же пресек эти самые инстинкты, напомнив, что имение Троицкое под Москвой, где прошло детство поэта, принадлежало известной Салтычихе, потому детские годы свои он провел на дорожках, залитых кровью крепостных. А затем просто добивает поэта: «Полагаю, взросление в таком месте не может не наложить отпечатка? – ядовито улыбнулся в конце своей краткой речи Муравьев. – Легко ли вы спите, Федор Иванович? Те ни по ночам не тревожат? И да, вот еще что!.. Дед ваш Николай Андреевич, говорят, неспроста выкупил это имение. В молодости своей он ведь знаком был с Дарьей Салтыковой? И даже поговаривают, что не только знаком... Уж не от ревности ли изуверка девушек своих так страшно губила? Быть может, он ей поводов слишком много давал?.. Вы как, Федор Иванович? С дедом в этом отношении схожи? Или у вас иные устремления? Тютчев молча поднялся с кресла и направился к выходу. С дочками он не попрощался. – Поэты! – воскликнул генерал Муравьев, разводя руками. – Тонкие существа» [Геласимов, 2018, с. 286-287].

Приведенный эпизод из романа А. Геласимова наглядно демонстрирует технологию «умножения смыслов». Сначала Ф. И. Тютчеву буквально приписываются мысли, которых у него в данном случае просто не было: он следил именно за одной из дочерей. А затем (в ответ на «охотничьи инстинкты», вновь же ему приписываемые и представленные как стремление замарать соперника) следует буквально обвинительный приговор в адрес его родни. Здесь не важно, что собственно сам Ф. И. Тютчев не имеет к давним событиям никакого отношения, кроме того, что провел детские годы в местах, связанных с обвинениями в адрес его деда. Важен самый факт родства, по которому человек уже виновен. Автор романа наглядно демонстрирует ту самую

смысловую логику, которую использовали узурпировавшие в 1917 г. власть большевики в России и по которой отправляли людей, превращенных во «врагов народа», умирать за дедов, за отцов, за матерей, за принадлежность, например, к дворянскому роду в принципе, а далее жен «врагов народа» – за то, что они их жены, детей «врагов народа» – за то, что они их дети. Такая вот логика приписывается автором романа Н. Н. Муравьеву-Амурскому, действительно принимавшему самое живое участие в судьбе Г. И. Невельского, в его экспедиции на Дальний Восток.

Финальным событием в бытийствовании персонажа под именем Ф. И. Тютчева в романе становится его слежка за Г. И. Невельским, которому поручена тайная благородная миссия закрепления дальневосточных земель и бухт за российской империей. Этой миссии всячески сопротивляется граф К. В. Нессельроде (1780-1862), министр иностранных дел, а Ф. И. Тютчев в романе представлен как его прямой агент. Он, словно тень, сопровождает великого князя Константина Николаевича во время его посещения Собора Преображения Господня в Петербурге и следующего с ним Г. И. Невельского, докучая ему ненужными разговорами. И, наконец, обращается к Г. И. Невельскому: «Я должен передать вам, господин капитан-лейтенант, одно предложение, – заговорил вдруг Тютчев совершенно иным голосом, в котором теперь не было и следа поэтической взволнованности. – Его сиятельство граф Нессельроде желал бы встретиться с вами по безотлагательному вопросу. Сделать это, однако, требуется неофициально. Поэтому меня просили передать вам приглашение без свидетелей» [Геласимов, 2018, с. 308]. Конечно, в ответ Г. И. Невельской просит не беспокоить его такого рода предложениями (в противном случае поэта ждет неминуемая расплата), видимо, намекая на свою близость с великим князем и его возможностями. Ф. И. Тютчев мгновенно исчезает, а подошедший великий князь спрашивает: «...и как вам удалось избавиться от этого прилипалы? Я думал, он никогда не уйдет» [Геласимов, 2018, с. 308].

В ответ на все эти «смысловые умножения» напомним высказывание самого поэта в связи с графом К. В. Нессельроде. В мае 1850 г., то есть приблизительно в те самые, описываемые автором романа времена, Ф. И. Тютчев пишет обширную эпиграмму, где граф представлен карликом, беспримерным трусом с «душою маловер-

ной» [Тютчев, 2003в, с. 16]. Со своей стороны, министр К. В. Нессельроде не только не испытывал к своему подчиненному Ф. И. Тютчеву никаких добрых чувств, но всячески портил ему службу то низкой оплатой труда, то незавидным местом, то вообще увольнением. Не было между ними никогда добрых, а тем более доверительных отношений. Указанная эпиграмма рождалась из двух источников: собственного опыта и тех негативных последствий, что несла стране деятельность министра иностранных дел. В жизни Ф. И. Тютчева как государственного деятеля многое изменилось, когда этот пост занял князь А. М. Горчаков (1798-1883). Кроме того, Ф. И. Тютчев не принадлежал к тому типу писателей, которые официально занимали значительную должность со всеми вытекающими отсюда материальными благами, а вечерами сочиняли сатирические тексты о государстве, на службе которому состояли.

Порочный Ф. И. Тютчев, по утверждению автора романа, им не придуман, а почерпнут из свидетельств: писем самого поэта, его дочерей, воспоминаний фрейлины Тютчевой, писем брата жены – немецкой баронессы. Из всего прочитанного А. Геласимов уяснил, что «Тютчев считал себя великим поэтом, но совершенно не любил близких» [Андрей Геласимов, 2020]. Однако приводимые мной в статье письма свидетельствуют об обратном. Не случайно именно родственнику (пусть и не прямому) принадлежит первый биографический очерк о поэте. И не Ф. И. Тютчев считал себя великим поэтом, а его современники увидели в нем того, кто решительно выше собратьев по перу (И. С. Тургенев), могучего поэта (А. А. Фет), поэта по призванию (Я. П. Полонский). И такие характеристики можно было бы длить и длить. Иное возникает, если поставить, подобно А. Геласимову, перед собой задачу *умножения смыслов* на основе *искажения фактов* с целью *благодетельного воздействия* на умы современников.

Библиографический список

1. Агапитова Е. К. Влияние жанра античной биографии на становление романа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 184-190.
2. Андрей Геласимов: «У каждого – своя роза ветров» [интервью И. Вечевой с писателем А. В. Геласимовым]. URL: <https://www.rewizor.ru/literature/interviews/andrey-gelasimov-u-kajdogo-svoya-roza-vetrov/> (Дата обращения: 29.08.2020)

3. Геласимов А. В. Роза ветров. Москва : Городец, 2018. 504 с.
4. Иванова Е. В. Жанр биографии в русской литературе: западноевропейские влияния // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3-4. С. 43-58.
5. Комментарии к стихотворению Ф. И. Тютчева «Глядел я, стоя над Невой...» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 1. Стихотворения: 1813-1849 / сост., подгот. текста и комм. В. Н. Касаткина. Москва : Классика, 2002. С. 481.
6. Логинова Л. Ю. Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политологические, социологические и экономические науки. 2016. № 1. С. 17-23.
7. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. Москва : Книга, 1987. 336 с.
8. Николаева А. Б. Основные историко-герменевтические факторы конструирования текста научной биографии как онтокультурного континуума // *Грамота*. Тамбов. 2018. № 9(95). С. 75-78.
9. Николаева А. Б. Понимание, объяснение, интерпретация, истолкование: четыре герменевтические процедуры осмысления текста научной биографии // *Вестник Омского государственного университета*. Герменевтические исследования. 2019. № 1(22). С. 29-32.
10. Николаева А. Б. Современная научная биография как герменевтическая персональная история: открытый вопрос. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauchnaya-biografiya-kak-germenevticheskaya-personalnaya-istoriya-otkrytyu-vopros> (Дата обращения: 6.09.2020)
11. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Часть I. Москва : Типография А. И. Мамонтова, 1866. 407 с.
12. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Часть II. Москва : Типография А. И. Мамонтова, 1866. 540 с.
13. Письмо Ф. И. Тютчева к дочери Д. Ф. Тютчевой от 8 сентября 1864 г. / пер. с франц. // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 6. Письма: 1860-1873 / сост. и коммент. Л. Н. Кузина. Москва : Классика, 2004. С. 76-77.
14. Проблемы построения научной биографии писателя: к 150-летию А. П. Чехова // *Новые российские гуманитарные исследования*. 2011. Т. 6. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2011-6/problems-postroeniya-nauchnoy-biografii-pisatelya-k-150-letiyu-a-p-chekhova-videomaterialy/> (Дата обращения: 5.09.2020)
15. Тютчев Ф. И. Люблю глаза твои, мой друг... // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 1. Стихотворения: 1813-1849 / сост., подгот. текста и комм. В. Н. Касаткина. Москва : Классика, 2002. С. 173.
16. Тютчев Ф. И. Накануне годовщины 4 августа 1864 г. // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 2: Стихотворения 1850-1873 / сост. и общ. ред. В. Н. Касаткина. Москва : Классика, 2003а. Т. 2. С. 149.
17. Тютчев Ф. И. Не знаю я, коснется ль благодать... // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 2. Стихотворения 1850-1873 / сост. и общ. ред. В. Н. Касаткина. Москва : Классика, 2003б. С. 37.
18. Тютчев Ф. И. Нет, карлик мой! трус беспримерный!.. // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. Т. 2: Стихотворения 1850-1873 / сост. и общ. ред. В. Н. Касаткина. Москва : Классика, 2003в. С. 16-17.
19. Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London: HarperCollins, 1997. [I-XVII] 674 pp.
20. Speiser D. I., Eernisse D. J., Johnsen S. A Chiton Uses Aragonite Lenses to Form Images // *Current Biology*. 2011. V. 21. P. 665-670.

Reference list

1. Agapitova E. K. Vlijanie zhanra antichnoj biografii na stanovlenie romana = The influence of the genre of ancient biography on the formation of the novel // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2017. № 2. S. 184-190.
2. Andrej Gelasimov: «U kazhdogo – svoja roza vetrov» [interv'ju I. Vechevoj s pisatelem A. V. Gelasimovym]. «Everyone has his own rose of winds» [interview with I. Vecheva with writer A. V. Gelasimov]. URL: <https://www.rewizor.ru/literature/interviews/andrey-gelasimov-u-kajdogo-svoya-roza-vetrov/> (Data obrashhenija: 29.08.2020)
3. Gelasimov A. V. Roza vetrov = Wind rose. Moskva : Gorodec, 2018. 504 s.
4. Ivanova E. V. Zhanr biografii v russkoj literature: zapadnoevropejskie vlijanija = Genre of biography in Russian literature: Western European influences // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3-4. S. 43-58.
5. Kommentarii k stihotvoreniju F. I. Tjutcheva «Gljadel ja, stoja nad Nevoj...» = Comments on the poem by F. I. Tyutchev «I looked at myself, standing above the Neva...» // Tjutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 6 t. Т. 1. Stihotvorenija: 1813-1849 / sost., podgot. teksta i komm. V. N. Kasatkina. Moskva : Klassika, 2002. S. 481.
6. Loginova L. Ju. Biograficheskij metod v issledovanii lichnosti: metodologija i arhitektonika = Biographical method in personality research: methodology and architectonics // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Politologicheskie, sociologicheskie i jekonomicheskie nauki. 2016. № 1. S. 17-23.

7. Lotman Ju. M. Sotvorenje Karamzina = Creation of Karamzin. Moskva : Kniga, 1987. 336 s.
8. Nikolaeva A. B. Osnovnye istoriko-germenevticheskie faktory konstruirovaniya teksta nauchnoj biografii kak ontokul'turnogo kontinuum = The main historical and hermeneutic factors of constructing the text of scientific biography as ontocultural continuum // Gramota. Tambov. 2018. № 9(95). S. 75-78.
9. Nikolaeva A. B. Ponimanie, ob#jasnenie, interpretacija, istolkovanie: chetyre germenevticheskie procedury osmyslenija teksta nauchnoj biografii = Understanding, explanation, interpretation, understanding: four hermeneutical procedures of judgment of the scientific biography text // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Germenevticheskie issledovanija. 2019. № 1(22). S. 29-32.
10. Nikolaeva A. B. Sovremennaja nauchnaja biografija kak germenevticheskaja personal'naja istorija: otkrytyj vopros = Modern scientific biography as a hermeneutic personal history: an open question. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauchnaya-biografiya-kak-germenevticheskaja-personalnaya-istoriya-otkrytyj-vopros> (Data obrashhenija: 6.09.2020)
11. Nikolaj Mihajlovich Karamzin, po ego sochinenijam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlja biografii, s primechanijami i ob#jasnenijami M. Pogodina = Nikolai Mikhailovich Karamzin, according to his works, letters and reviews of contemporaries. Materials for biography, with notes and explanations by M. Pogodin. Chast' I. Moskva : Tipografija A. I. Mamontova, 1866. 407 s.
12. Nikolaj Mihajlovich Karamzin, po ego sochinenijam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlja biografii, s primechanijami i ob#jasnenijami M. Pogodina = Nikolai Mikhailovich Karamzin, according to his works, letters and reviews of contemporaries. Materials for biography, with notes and explanations by M. Pogodin. Chast' II. Moskva : Tipografija A. I. Mamontova, 1866. 540 s.
13. Pis'mo F. I. Tjutcheva k docheri D. F. Tjutchevoj ot 8 sentjabrja 1864 g = Letter from F. I. Tyutchev to the daughter of D. F. Tyutcheva dated from September 8, 1864 / per. s franc. // Tjutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : Tyutchev F. I. Complete collection of works and letters v 6 t. T. 6. Pis'ma: 1860-1873 / sost. i komment. L. N. Kuzina. Moskva : Klassika, 2004. S. 76-77.
14. Problemy postroenija nauchnoj biografii pisatelja: k 150-letiju A. P. Chehova = Problems of building a scientific biography of the writer: to the 150th anniversary of A. P. Chekhov // Novye rossijskie gumanitarnye issledovanija. 2011. T. 6. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2011-6/problemy-postroenija-nauchnoj-biografii-pisatelya-k-150-letiju-a-p-chekhova-videomaterialy/> (Data obrashhenija: 5.09.2020)
15. Tjutchev F. I. Ljublju glaza tvoji, moj drug... I love your eyes, my friend... // Tjutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 6 t. T. 1. Stihotvorenija: 1813-1849 / sost., podgot. teksta i komm. V. N. Kasatkina. Moskva : Klassika, 2002. S. 173.
16. Tjutchev F. I. Nakanune godovshiny 4 avgusta 1864 g. = On the eve of the anniversary of August 4, 1864 // Tjutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 6 t. T. 2: Stihotvorenija 1850-1873 / sost. i obshh. red. V. N. Kasatkina. Moskva : Klassika, 2003a. T. 2. S. 149.
17. Tjutchev F. I. Ne znaju ja, kosnetsja l' blagodat'... I don't know, I'll touch grace... // Tjutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 6 t. T. 2. Stihotvorenija 1850-1873 / sost. i obshh. red. V. N. Kasatkina. Moskva : Klassika, 2003b. S. 37.
18. Tjutchev F. I. Net, karlik moj! trus besprimernyj!.. = No, my dwarf! coward unparalleled!.. // Tjutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 6 t. T. 2: Stihotvorenija 1850-1873 / sost. i obshh. red. V. N. Kasatkina. Moskva : Klassika, 2003v. S. 16-17.
19. Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. London: HarperCollins, 1997. [I-XVII] 674 pp.
20. Speiser D. I., Eernisse D. J., Johnsen S. A Chiton Uses Aragonite Lenses to Form Images // Current Biology. 2011. V. 21. P. 665-670.